

Глава 8. Лечебный центр «Лэнцзин» (06)

Пока медсестра везла Нань Цзюньи обратно в палату, она без умолку расхваливала его за примерное поведение. По коридору эхом разносились её голос и мерный скрип колёс.

Резким диссонансом её ласковым словам служило обращение «триста второй».

Как временное обозначение такой номер не казался чем-то необычным. Однако Нань Цзюньи не верил, что сможет покинуть этот «новый лечебный центр» в ближайшее время.

Но если это обращение станет постоянным, бездушный номер вместо имени звучал бы слишком холодно.

Все двери вдоль коридора были плотно закрыты, вокруг царила абсолютная тишина. Нань Цзюньи не стал опрометчиво нарушать её ни единым словом.

В голове по-прежнему вращались калейдоскопические узоры, вспыхнувшие на стеклянной стене. От них накатывали приступы тошноты и головокружения. В висках болезненно пульсировало, а желудок словно выворачивало наизнанку.

Умение подавлять дискомфорт не означало, что его нужно терпеть бесконечно.

Так можно лишь быстрее довести организм до полного истощения.

Нань Цзюньи требовалось время, чтобы прийти в себя.

Лишь когда они почти добрались до палаты, он наконец заговорил:

— Когда я смогу выздороветь?

— Ох...

Медсестра открыла дверь, вкатила его внутрь и только потом обошла коляску спереди. Она провела ладонями по подлокотникам, затем присела на корточки и подняла на него взгляд.

— Не волнуйся. Ты очень скоро поправишься. Совсем скоро... очень скоро ты очистишься от

своих грехов и станешь здоровее, цельнее... совершеннее, чем сейчас.

На её лице промелькнуло выражение восторженной одержимости.

Казалось, она смотрела вовсе не на самого Нань Цзюньи, а сквозь него — на некое совершенное создание, существующее лишь в её воображении.

Судя по её одежде и манере говорить, это больше походило не на медицинский прогноз, а на религиозный фанатизм.

Причём фанатизм какой-то еретической секты.

Вскоре медсестра поднялась, налила ему чашку горячего молока и протянула её вместе с внушительной горстью таблеток.

Нань Цзюньи, ничуть не изменившись в лице, спокойно взял лекарства и, прежде чем сделать вид, что проглатывает их, спросил:

— Когда следующее лечение?

Медсестра тихо рассмеялась.

— Как замечательно! Тебе уже начинает всё это нравиться. Мне очень приятно видеть такой энтузиазм. Но пока, к сожалению, нельзя. Твоему телу нужно время, чтобы привыкнуть... принять эти изменения.

Она доброжелательно посмотрела на него.

— А сейчас тебе следует принять лекарства и хорошенько поспать. Когда проснёшься, почувствуешь себя гораздо лучше.

Нань Цзюньи не стал сопротивляться.

Послушно высыпав всю горсть таблеток в рот, он сделал несколько глотков молока, лишь изобразив, что проглотил их.

Медсестра удовлетворённо кивнула, закрыла за собой дверь и ушла.

Нань Цзюньи ещё долго неподвижно сидел, дожидаясь, пока шаги в коридоре окончательно стихнут.

Лишь убедившись, что она ушла достаточно далеко, он стремительно бросился к умывальнику и выплюнул все таблетки.

Некоторые уже успели слегка размокнуть от слюны.

Он тщательно прополоскал рот молоком, однако горький лекарственный привкус всё равно не исчез.

К счастью, даже если небольшое количество препарата всё же попало в организм, его действие должно быть минимальным.

Теперь все они были разбросаны по разным местам. Никаких зацепок у Нань Цзюньи пока не было, поэтому оставалось лишь тщательно осмотреть комнату, в которой его поселили.

Она совершенно не походила на современные одноместные палаты прежнего лечебного центра.

Всё здесь словно сошло со старой пожелтевшей фотографии.

Обстановка была предельно простой: односпальная кровать у стены, шкаф и умывальник.

Стены были полностью оклеены белыми обоями, пол выкрашен белой краской.

Кровать была застелена ослепительно-белым постельным бельём, настолько тщательно накрахмаленным, что казалось почти жёстким. Все не застеленные части кровати тоже были выкрашены в белый цвет.

Умывальник и шкаф — тем более.

Лишь занавески от долгих лет службы слегка пожелтели.

Нань Цзюньи медленно подошёл к окну и раздвинул шторы.

Пейзаж за окном его почти не удивил.

Извилистая горная дорога исчезла.

Теперь за окном простирался бескрайний мёртвый лес.

Высохшие ветви отчаянно тянулись к небу, и в быстро сгущавшихся сумерках казалось, будто

из земли поднимаются бесчисленные иссохшие человеческие руки.

Неподалёку от леса располагалось кладбище.

Из-за большого расстояния оно выглядело совсем небольшим. Надгробий было немного, они стояли редко, а большую часть территории занимали лишь невысокие земляные холмики могил.

Нань Цзюньи изо всех сил старался не думать о том, сколько людей покойтся под ними.

Смерть — такая же часть жизни.

Какой бы она ни была.

Он отпустил занавеску, и та снова отгородила его от внешнего мира.

Его дыхание постепенно выравнилось.

Когда окончательно стемнело, снаружи снова пошёл дождь.

Капли яростно застучали по оконному стеклу, словно кто-то настойчиво колотил в дверь.

Комната окончательно погрузилась во тьму. Нань Цзюньи включил свет. Два настенных светильника отбрасывали тусклое желтоватое сияние, но одно мигало из-за плохого контакта — то вспыхивало, то гасло, как в дешёвом фильме ужасов.

То ли ради собственного спокойствия, то ли чтобы не портить зрение, он без колебаний щёлкнул выключателем, выключив мигающие светильники. Комната сразу стала ещё мрачнее.

И вдруг...

Дзинь... дзинь... дзинь...

Пронзительный, режущий слух звон внезапно разорвал тишину коридора, в одно мгновение разрушив безмолвие, стоявшее здесь весь день.

Когда долго находишься в абсолютной тишине, подобный резкий звук вызывает непроизвольную реакцию. Нань Цзюньи был всего лишь обычным человеком из плоти и крови, поэтому тоже вздрогнул, однако быстро взял себя в руки. Подкравшись к двери, он замер, положив ладонь на ручку.

Открывать дверь он не стал, чтобы никто не воспользовался моментом и не ворвался внутрь. Вместо этого он плотно прижал ухо к щели между дверью и косяком.

Звон ещё не успел стихнуть, как в коридоре уже загрохотали шаги. Причём не одного-двух человек — и даже не четырёх или пяти. Это была огромная толпа. Шаги разнеслись по коридору волной, словно стадо перепуганных быков с оглушительным топотом пронеслось мимо, заставляя дрожать даже дверное полотно.

Так много людей? Этот звон — сигнал тревоги? Или что-то ещё?

Пока Нань Цзюньи перебирал в уме различные варианты, его живот внезапно предательски заурчал. Он опустил взгляд и лишь теперь осознал, насколько проголодался.

Он пропустил обед, потратил немало сил, и измученное тело наконец настойчиво потребовало пищи.

Звон. Толпа. Наступление ночи...

Если всё идёт по плану, то это куда больше похоже не на тревогу, а на сигнал к ужину.

Дождавшись, пока шаги у двери постепенно удалятся, Нань Цзюньи осторожно открыл дверь и бесшумно пристроился в самый конец процессии.

Он заметил, что большинство людей были одеты в одинаковые больничные пижамы, на каждом из которых был вышит номер палаты. Лица почти у всех оставались совершенно бесстрастными — настолько, что это больше походило на оцепенение. Зато двигались они удивительно слаженно, словно марионетки, размеренно шагая по узкому коридору один за другим, пока не добрались до столовой на первом этаже и не заняли свои места.

Никто не разговаривал, не смеялся, не шумел. Даже шелест одежды почти не был слышен — лишь размеренные шаги продолжали нарушать тишину.

«Соблюдайте тишину».

Нань Цзюньи вновь вспомнил эту подсказку и вместе со всеми вошёл в столовую.

Посреди столовой в четыре ряда стояли необычайно длинные столы. Впереди находилось небольшое возвышение, поперёк которого были поставлены ещё два стола поменьше — очевидно, для врачей и медсестёр. Это невольно напомнило Нань Цзюньи одну весьма знаменитую школу волшебства.

Впрочем, долго отвлекаться он не стал и сосредоточился на поиске третьего стола,

соответствовавшего третьему этажу. Определив своё место по порядку рассадки остальных, он сел.

Слева от него сидел мужчина средних лет с вышитым на одежде номером «301». Его лицо было безжизненным, а сложенные руки непрерывно двигались в молитвенном жесте.

Справа находилась пациентка с номером «303» — молодая женщина с заискивающей улыбкой на лице. Она тоже держала руки в молитвенном жесте, однако её взгляд то и дело украдкой перебегал с одного лица на другое.

Нань Цзюньи попытался заговорить с ней, но та лишь испуганно взглянула на него, после чего поспешно опустила голову ещё ниже, крепко сцепив пальцы.

— Соблюдайте тишину!

Полная медсестра, раздававшая приборы за третьим столом, с тяжёлым стуком поставила поднос и сурово прикрикнула на них обоих.

От испуга пациентка под номером «303» сжалась, словно испуганная лань. Она едва не забралась под стол, прижав лоб к коленям и мелко дрожа всем телом. Её глаза были полны ужаса.

Нань Цзюньи пришлось замолчать и молча осмотреть остальных, сидящих за столом.

За третьим столом находилось сорок человек.

Большинство выглядели исхудавшими до крайности. Одни походили на бездомных — растрёпанные, грязные, кожа да кости. Другие казались тяжело больными, словно им оставалось жить совсем недолго. Самому младшему было, наверное, меньше десяти лет, самому старшему — около пятидесяти-шестидесяти.

Пока он осматривался, внезапно почувствовал, как кто-то взял его за руки.

Это были соседи — «301» и «303». Они крепко сжали его ладони, положили их на стол, а свободными руками взялись за следующих.

Очень скоро все присутствующие оказались соединены, держась за руки и образовав замкнутый круг.

Именно в этот момент на возвышение поднялась необычайно высокая фигура.

На человеке был такой же длинный белый балахон, полностью скрывавший тело, но поверх него была накинута тяжёлая чёрная накидка, лишь немного короче внутреннего одеяния. На голове красовалась круглая шляпа.

Он одновременно напоминал и священника, и врача.

Но самым жутким было его лицо.

Лицо и шея мужчины были полностью замотаны белоснежными бинтами — слой за слоем, без единого просвета. Даже глаз не было видно. Его дыхание заставляло бинты едва заметно вздыматься и опускаться, отчего казалось, будто эти белые полосы ткани ожили и, подобно змеям, медленно извиваются на его лице.

Тем временем медсёстры начали разносить то, что этот человек называл «святым причастием».

На тарелки выкладывали густую вязкую массу, похожую на жидкую рисовую кашу. Кроме того, каждому полагался крошечный бокал красного вина.

Бокал был настолько маленьким, что едва достигал размера двух сложенных вместе больших пальцев. Вина в нём было так мало, что даже человек, никогда прежде не пробовавший алкоголь, вряд ли смог бы почувствовать его вкус, просто лизнув содержимое.

Нань Цзюньи невольно попытался подбодрить себя мрачной шуткой:

Похоже, даже у еретиков бывают проблемы с бюджетом.

А стоявший на возвышении священник-врач тем временем серьёзно продолжал свою проповедь.

Хотя Нань Цзюньи не был верующим, он видел достаточно подобных молитв перед едой — и в жизни, и в книгах, и в фильмах. Обычно всё сводилось к благодарности божеству за дарованную пищу.

Но слова этого священника-врача были совсем иными.

Он не возносил благодарений ни божеству, ни пище. Вместо этого он снова и снова повторял: «Мы станем единым целым», а остальные дружно вторили ему хором:

— Мы поглотим эту плоть, и она станет единой с нами.

— Мы поглотим эту плоть, и она станет единой с нами.

— Мы выпьем эту кровь, и она наполнит нас.

— Мы выпьем эту кровь, и она наполнит нас.

— Мои зубы станут твоими зубами, моё горло — твоим горлом.

— Мои зубы станут твоими зубами, моё горло — твоим горлом.

— Мой голод станет твоим голодом, моё насыщение — твоим насыщением.

— Мой голод станет твоим голодом, моё насыщение — твоим насыщением.

— Мы поглотим друг друга и сольёмся воедино.

— Мы поглотим друг друга и сольёмся воедино.

— Твоя кровь вольётся в мою, твоя плоть соединится с моей.

— Твоя кровь вольётся в мою, твоя плоть соединится с моей.

...

Голоса нескончаемым гулом разносились по столовой. Люди вокруг постепенно приходили во всё большее возбуждение. Пациенты с номерами «301» и «303» всё крепче сжимали руки Нань Цзюньи, а их лица наливались нездоровым румянцем.

Однако Нань Цзюньи сейчас было не до подобных мелочей. Всё его внимание было приковано к густой каше в тарелке. В словах предобеденной молитвы слышался зловещий подтекст, от которого по коже пробежал холодок.

Он внимательно взгляделся в содержимое тарелки. На вид это была просто очень густая каша, сваренная с разваренными овощами и бобами. Казалось, туда также накрошили размокшие кусочки лепёшки. Ни единого мясного волокна разглядеть не удалось.

И в этот момент подобная скупость, явно вызванная нехваткой средств, неожиданно подарила Нань Цзюньи огромное чувство облегчения.

<http://bllate.org/book/21675/2320355>